

Вспоминают
руководители
союзных
республик

★
*ПОЧЕМУ
РАСПАЛСЯ
СССР*

ИТЛВ.
ИЛЕН
ИИИИИ

ИТЛВ.
ИЛЕН
ИИИИИ

Аркадий Дубнов
Почему распался СССР.
Вспоминают руководители
союзных республик

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68292584

Почему распался СССР. Вспоминают руководители союзных республик:

Индивидуум; Москва; 2019

ISBN 978-5-6040721-5-8

Аннотация

В книге, инициированной Фондом Егора Гайдара, представлены 14 масштабных интервью с политическими деятелями, которые после распада Советского Союза стали первыми руководителями новых независимых государств. Версиями событий, радикально изменивших карту мира и жизнь миллионов людей, делятся Аскар Акаев, Леонид Кравчук, Витаутас Ландсбергис, Станислав Шушкевич, Мирча Снегур, Геннадий Бурбулис, Акежан Кажегельдин, Арнольд Рюитель, Ивар Годманис, Иса Гамбар, Тенгиз Сигуа, Назар Суюнов, Вазген Манукян и Акбаршо Искандаров. С лидерами республик разговаривал Аркадий Дубнов – политолог, эксперт по странам бывшего СССР. Для всех, интересующихся политической историей XX века.

Содержание

Холеру победила чума	9
О последствиях распада Советского Союза	9
Геннадий Бурбулис, первый и единственный Государственный секретарь РСФСР	12
«Утрата родины для нормального человека – личная трагедия»	12
Станислав Шушкевич, экс-председатель верховного совета Республики Беларусь	40
«Все беспокоились из-за ядерной кнопки»	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Аркадий Дубнов

Почему распался СССР.

**Вспоминают руководители
союзных республик**

© Фонд Егора Гайдара, 2019

© Аркадий Дубнов, 2019

© ООО «Индивидуум Принт», 2019

* * *

Почему распался СССР, был ли этот процесс неизбежным, единственно возможным или спровоцированным конкретными силами – вопрос, который занимает умы уже не одного поколения.

Остроумно и парадоксально на эту тему было написано задолго до событий 1991 года: «По-видимому, если бы футурология существовала в императорском Риме, где, как известно, строились уже шестиэтажные здания и существовали детские вертушки, приводимые в движение паром, футурологи V века предсказали бы на ближайшее столетие строительство двадцатиэтажных зданий и промышленное применение паровых машин. Однако, как мы уже знаем, в VI веке

на форуме паслись козы, как сейчас у меня под окном в деревне» («Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» Андрей Амальрик, 1969 г.). Наша книга расскажет вам, как именно происходило то, что Андрей Амальрик предсказал в 1969 году.

Книга «Почему распался СССР. История от первых лиц» представляет собой невероятную вещь – 14 масштабных интервью о распаде Советского Союза с политическими деятелями, которые в этот момент были руководителями новых независимых государств. Почему эти интервью – вещь невероятная, спросите вы?

Да потому, что получить согласие на откровенный разговор на эту тему у такого рода исторических фигурантов – задача почти утопическая. Есть такие книги, которые должны быть, но которые сделать никогда не получится. К такому категорическому «никогда», казалось бы, относятся и интервью о распаде Союза с бывшими лидерами стран бывшего СССР (так, чтобы со всеми и практически одновременно!). Что вполне понятно и объяснимо. Негативное, укорененное благодаря устоявшимся мифам отношение большинства населения стран СССР к его распаду и наличие в массовом лексиконе таких выражений, как «развал СССР», «либералы, развалившие страну», «западные марионетки», «парад суверенитетов», «беловежский сговор», «грабительские реформы» и т. п., – не могут послужить стимулом для участия в откровенном разговоре людей, причастных «по долж-

ности» к перечисленным «первородным грехам».

Тогда почему наше издание состоялось?

Да потому, что есть книги, которые не сделать нельзя. Ни как историку, ни как журналисту, ни как политологу. Мы взяли за изначально безнадежное дело, говоря языком азартных игроков – сделали ставку на zero и – у нас получилось! Получилось собрать подробные свидетельства соучастников грандиозного политического процесса. Будем надеяться, что теперь настало время не осуждать, а выслушать развернутые и насыщенные ответы, впервые озвученные факты и рассуждения. Будем надеяться, что эта книга поможет взглянуть на события почти тридцатилетней давности без сослагательных фантазий, развенчать миф о счастливой стране-монолите, взглянуть по-новому или впервые на особые обстоятельства этого щедрого на события времени, пролить свет на многие политические процессы, предшествовавшие распаду, разобраться в том, был ли этот распад предрешен.

Отношение к прекращению существования государства СССР во много похоже на отношение к реформам Гайдара. Их принято осуждать, не задумываясь о том, что наша сегодняшняя жизнь – со всеми благами потребления, свободой перемещения и сильно улучшенным по сравнению с советским периодом бытовым комфортом – и есть результат этих самых изрядно оболганных реформ. Также и реакция на распад СССР. Миллионы граждан, выходявшие на ми-

тинги 1989-1991 годов и требовавшие того, что не могло не привести к распаду СССР, спустя уже год-два категорически не хотели вспоминать, оглядываясь на себя образца эпохи Перестройки, а превратились в отрицателей и критиков произошедшего. Отсюда прямой путь к историческому забвению целой эпохи, вместе с ее событиями и героями. Фонд Егора Гайдара и создатели этой книги не хотят допустить забвения самой интересной из эпох и очень надеются, что собранные вместе интервью с руководителями только что тогда образованных государств помогут вернуть объективное и честное восприятие событий.

Политическая карьера большинства собеседников журналиста и политолога Аркадия Дубнова давно завершилась. Может быть, здесь и не вполне уместна фраза, что революция пожирает своих детей, но уж точно почти все они оказались в результате вытеснены с авансцены той политической системы, архитекторами которой являлись.

Нам очень повезло, что спустя четверть века почти всех действующих лиц мы нашли в здравии и, главное, готовых на длинный и содержательный разговор. Нет никаких сомнений, что все эти годы они много думали и размышляли о произошедшем и с точки зрения своих политических убеждений, и с точки зрения наблюдения за теми трансформациями, которые происходили с их странами. Естественная рефлексия из дня сегодняшнего не помешала сделать рассказ объективным, а наоборот, способствовала вниманию к клю-

чевым деталям времени обретения независимости.

Процесс защиты независимости в 1989-1991 годы, создание новых экономик, выстраивание отношений с постсоветской Россией и соседями – для каждой страны это был тяжелейший этап, где любое государственное решение носило судьбоносный характер, где политики стояли перед множеством развилок и вариаций дальнейшего пути, в обстоятельствах, где зачастую теоретические знания и интуиция были единственными помощниками.

Надеемся, что читатель по достоинству оценит возможность увидеть уникальные свидетельства, исторические первоисточники (которыми эти интервью, безусловно, являются) – и ошибочных суждений о распаде СССР станет меньше.

Фонд Егора Гайдара

Холеру победила чума

О последствиях распада Советского Союза

Книга, которую вы держите в руках, – бесценна. Это не значит, что вы прямо сейчас должны ее купить, – это и так найдется кому сделать. Будущий историк без нее не обойдется точно, а у меня есть смутное предчувствие, что в скором времени – как и в конце восьмидесятых – своей недавней историей заинтересуется подавляющее большинство россиян. Им придется разгрести свое печальное настоящее, и без точных знаний о прошлом это не получится.

Пока же значимость сборника очевидна не для всех, стоит оценить масштаб замысла и работы, которую проделал позднесоветский, а впоследствии российский журналист Аркадий Дубнов. Дубнов – эксперт по странам бывшего СССР. По всем, от прибалтийских до среднеазиатских. В какой-то момент он поставил себе задачу: опросить первых лиц бывших союзных республик и получить полную и объективную картину распада СССР. Эта тема давно стала объектом бесчисленных грубых спекуляций: одни утверждают, что СССР развалился из-за нерешительности Горбачева (или даже из-

за попытки перестроить страну). Другие – что Союз развалили извне (люди, которые все внутренние проблемы, в том числе личные, подменяют внешними, будут всегда; они, как правило, не блещут интеллектом, но берут голосом). Третьи уверены, что бомба была заложена в фундамент СССР ленинской национальной политикой, четвертые – что ленинскую политику извратил Сталин, навязавший республикам образ Старшего русского брата и возродивший имперский шовинизм. Пятые уверены, что советский проект предполагал не цивилизацию, но колонизацию и угнетал национальные чувства граждан (даже когда давал бесписьменным народам письменность и насаждал изучение местных эпосов, часто фальсифицированных, а то и вовсе сочиненных по социальному заказу). Дубнов сделал почти невозможное – опросил тех, кто лично причастен к «крупнейшей геополитической катастрофе» 1991 года, как все чаще называют распад СССР. Тех, кто еще жив, но крайне труднодоступен – в силу как статуса, так и возраста. Тех, кто не очень хочет откровенничать на эту тему – ведь сегодня очевидно, что при всех объективно существовавших предпосылках к краху советского проекта этот самый крах отбросил миллионы людей в глубокое и несимпатичное прошлое. Прежде всего – Среднюю Азию, впавшую в откровенное байство, но не только ее. И Молдавию. И Прибалтику. И, что самое печальное, – Россию.

Все собеседники Дубнова выгораживают себя. Каждый

подчеркивает, что лично у него не было вариантов и он вел себя максимально благородно в сложившихся обстоятельствах. Субъективно, уверен, так оно и было – эти люди хотели свободы и не хотели деградации. Но Советский Союз, при всех его бесспорных минусах и злодействах, был убит не равным, по Мандельштаму, а худшим. Энтропией, амбициями, элементарным «предательством элит», хоть это и термин из малоприятной мне конспирологии. Уничтожение «тюрьмы народов» можно было бы только приветствовать, если бы на ее месте не выросло несколько бараков усиленного режима. Вожденная свобода оказалась малодоступна жителям большого советского пространства: они выбрали локальные варианты несвобод и зависимостей. Боюсь, вывод о «худшем» после книги Дубнова становится очевиден. Холеру победила чума.

Из множества мнений Дубнов сложил на редкость объективную и печальную мозаику – в этом и заключается нравственная и философская ценность работы честного и профессионального журналиста. Без этих свидетельств не обойдется в будущем ни один историк. А историком в этом близком будущем станет любой, в ком сохранится совесть.

Дмитрий Быков

Геннадий Бурбулис, первый и единственный Государственный секретарь РСФСР

«Утрата родины для нормального человека – личная трагедия»

Геннадий Эдуардович Бурбулис

Родился в 1945 году в Первоуральске

На выборах президента РСФСР в 1991-м возглавлял штаб
Бориса Ельцина

С июля 1991 по ноябрь 1992 года – Государственный сек-
ретарь Правительства РСФСР

С ноября 1991 по апрель 1992 года – первый заместитель
председателя правительства РСФСР

Активно участвовал в подготовке Беловежского соглаше-
ния и способствовал приходу молодых экономистов – «ко-
манды Гайдара» – к власти

Интервью состоялось в декабре 2016 года

Среди ныне живущих российских политиков Геннадий Бурбулис – пожалуй, ключевая фигура исторической драмы распада СССР. Именно ему принадлежит знаменитая формулировка: «Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование». Эти слова спустя 20 лет стали стилистической основой знаменитой формулы Владимира Путина – «крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой века». Так все-таки драма, катастрофа или «беловежский консенсус, обозначивший окончание XX века», как утверждает сам Геннадий Бурбулис?

Сорокалетний доцент факультета философии, преподаватель марксизма-ленинизма из Свердловска в разгар перестройки переезжает в Москву, оказывается в команде своего земляка Бориса Ельцина и за пару лет превращается чуть ли не в демиурга новой постсоветской реальности. Он становится первым и единственным Государственным секретарем РСФСР; приводит к президенту Ельцину Егора Гайдара, который возглавит первое российское правительство реформ; формулирует идеологию выхода России из масштабного экономического, социального и даже экзистенциального кризиса.

Ничего подобного я не сумел бы увидеть в моем себе-

седнике в 1989 году, когда впервые брал у него интервью в фойе Дома культуры Московского авиационного института, в те времена – месте сосредоточения активистов Перестройки. В момент, когда исчезали старые кумиры и умами завладевали прорабы перестройки, беседа с преподавателем марксистско-ленинской философии с Урала могла заинтересовать разве что энергичную и жаждущую перемен газету «Советская молодежь» (издавалась в Риге), в которой я тогда работал. В следующий раз мы беседовали с Геннадием Бурбулисом в дни двадцатипятилетнего юбилея Беловежья, и за интервью с ним выстраивались очереди журналистов – пишущих и телевизионных, российских и иностранных.

В этом ажиотаже вокруг юбилея Бурбулис представлял главным ответственным за «катастрофу». А как иначе, если глава государства назвал случившееся так. Геннадий Бурбулис не собирался оправдываться, но о многом умалчивал. Например, когда я спросил его об авторстве так называемого «меморандума Бурбулиса», с которым он спустя месяц после провала ГКЧП приехал в Сочи к отдохнувшему там Борису Ельцину, бывший сподвижник первого российского президента ушел от ответа. А ведь в том меморандуме излагался план выхода России в самостоятельное плавание, который он разработал совместно с командой еще не ставшего тогда премьером Егора Гайдара. И миссию убедить в верности этого плана Бориса Ельцина мог взять на себя только госсекретарь.

– Я задаю всем героям книги одинаковый первый вопрос: вам когда-нибудь приходило в голову, что Советский Союз перестанет существовать и Россия станет самостоятельным государством?

– Было предчувствие, что Советский Союз не выдержит испытания перестройкой. Как и лично Михаил Горбачев, сумевший гениальным образом откликнуться на ту глубинную работу, которая была проделана не одним поколением советских граждан. И диссиденты, и шестидесятники, и мое послевоенное поколение – все мы вместе готовили перестройку. Огромное спасибо Горбачеву, что он оформил политически эту возможность, придал ей вербальную форму существования в документах Пленума 1985 года, призвав к демократизации, гласности, самостоятельности. И самым вдохновенным импульсом были, конечно же, выборы 1989 года.

– Съезд народных депутатов?

– Да. Во-первых, они [Горбачев и его соратники] придумали прекрасное название «народный депутат». Это чудесное изобретение, отражающее бесконечные чаяния, тревоги и надежды, которыми мы жили. Но, может быть, наибольшие мои переживания связаны с тем, что Горбачев и его соратники не выдержали перегрузки от масштаба и глубины необходимого самопреобразования, саморазвития, самосовершен-

ствования. И беда в том, что, открыв уникальную возможность всей стране ночами наблюдать трансляцию Съезда и даже участвовать в ней изнутри, Горбачев сам же испугался этого реактора свободомыслия, глубоких, ярких мыслителей, которых оказалось в нашей стране очень и очень много. А когда наша межрегиональная депутатская группа начала выдвигать перезревшие идеи и задачи, мы встретили жесткое сопротивление, непонимание и неприятие. Кульминацией стало известное выступление Андрея Дмитриевича Сахарова с последующим изгнанием его с трибуны. Тогда стало понятно: чтобы не потерять в самих себе эту надежду, эту веру, эту мечту, нам надо изменить пространство, и мы сосредоточились на 1990 годе, на выборах народных депутатов РСФСР. Это был первый сигнал, что при такой глубинной идейной ограниченности лидеров у Советского Союза нет будущего.

– Двадцать пять лет назад вы были чуть ли не демиургом изменений этого пространства, когда в ноябре 1991-го стали первым вице-премьером правительства Ельцина. Но одним из его близких советников вы были еще до этого. Какая у вас была должность в команде Ельцина, скажем, на момент сентября 1991 года, после путча?

– Государственный секретарь РСФСР. После того как 12 июня первым президентом России избрали Бориса Ельцина, в июле 1991 года был создан Госсовет, и именно с Госсовета

началась вся эта сложная, тонкая и кипучая работа.

– 24 сентября 1991 года вы приехали в Сочи, где Борис Николаевич отдыхал после победы над путчистами, и привезли ему план действий, в котором собрали идеи команды Егора Гайдара. После путча ГКЧП стало ясно, что дальнейшие пути России и остальных республик Союза начали расходиться. Если раньше республики были с Россией заодно, пытаясь в противостоянии с союзным центром отстаивать свои права и интересы, то теперь они стали цепляться за центр, боясь потерять его как главный распределитель ресурсов и не зная, куда двигаться дальше. Россия осталась в одиночестве выстраивать самостоятельную политику, в первую очередь экономическую, и сохраняла с остальными советскими республиками условные политические отношения. Была ли уже решена судьба СССР в этот момент?

– Нужно понимать, что фактически СССР перестал существовать 24 августа. После событий августа Михаил Сергеевич продолжал – вероятно даже, вполне искренне – реанимировать договорный процесс: «Да, не получилось, да, эти негодяи сорвали историческое дело, но нам же все равно надо найти какой-то выход». Появилась матрица Ново-Огарева-2. При этом мы все хорошо понимали, что это мучительное заблуждение, для которого нет никаких предпосылок. В сентябре, сразу после ГКЧП, под эгидой Госсовета мы

организовали работу, в том числе и группу Егора Гайдара. Мы понимали, что главный вопрос сейчас – как выбраться из хозяйственно-управленческо-экономического кризиса. Всю ответственность за 150 миллионов жителей России мы взяли на себя. И когда на собраниях Госсовета мы обсуждали программу группы Егора Тимуровича, я убедился, что медлить нельзя – все надо делать максимально решительно и быстро.

В чем была сила группы Гайдара? Они не только программу сформулировали, они под нее тут же составили правовую базу: проекты указов, постановлений правительства, распоряжений. Когда я начал готовиться к поездке в Сочи к Борису Николаевичу и к финальному заседанию Госсовета, я спрашивал себя: «Как быть? Мы проделали отличную работу, но нам все равно не спастись. Кто сможет довести все это до конца?» Мы пережили правительство Ивана Степановича Силаева (председатель Совета министров РСФСР в 1990–1991 годах; ушел в отставку под давлением сторонников независимости России от СССР. – *Прим. ред.*), который ни рыба ни мясо, ни туда ни сюда; все эти 500 дней (имеется в виду не принятая в 1990 году программа перехода от плановой экономики к рыночной. – *Прим. ред.*), 400 дней, всю эту арифметику кто во что горазд... Ответ на мой вопрос был один: экономическую программу должны осуществлять те, кто ее придумал и написал.

Несколько дней мы с Ельциным обсуждали эти вопросы. Был даже такой документ, который Горбачев назвал «ме-

морандумом Бурбулиса» (официальное название документа, который составил Бурбулис, – «Стратегия России в переходный период». – *Прим. ред.*). Его представили так, будто Россия решила спастись в одиночку и придумала радикальные реформы. Нашу программу Ельцин изложил в октябре на пятом Съезде [народных депутатов СССР], который на год предоставил ему чрезвычайные полномочия – совмещать президентство и пост председателя правительства.

Демонтаж памятника Феликсу Дзержинскому в августе 1991 года – один из самых ярких символов наступающих в стране перемен. Вопреки устоявшейся легенде, памятник свалила не разъяренная толпа, а бригада профессиона

Принципиально важно иметь в виду, что основным вопросом первого Съезда народных депутатов РСФСР в мае 1990 года было избрание председателя Верховного совета и главы республики. Наша стратегия заключалась в том, что Борис Ельцин примет участие в борьбе за пост главы РСФСР с четкой позицией: добиться принятия Декларации о государственном суверенитете России. Это обстоятельство по разным причинам по сей день воспринимается как его неожиданная жесткая конфронтация с Союзом как таковым. На самом деле история значительно умнее, чем мы ее иногда воспринимаем. Идея суверенизации республик была рождена в недрах самого ЦК КПСС; Политбюро приняло несколько документов, которые не просто провозглашали суверенизацию, но и давали практические возможности для ее реализации. На первом Съезде был совершенно удивительный сюжет, когда в основе выступлений председателя Верховного совета РСФСР [Виталия] Воротникова и председателя Совета министров [Александра] Власова, по сути, двух глав республики, лежала идея суверенитета России.

– Как вы думаете, откуда взялось такое единодушие?

– СССР был организован с конституционным правом входящих в его состав республик на самоопределение, добровольный выход; при этом Россия внутри Советского Союза включала разноуровневые субъекты: республики, автономные республики и так далее. То есть предпосылки для переосмысления идеи суверенитета были во многом продиктованы двусмысленностью правовой системы Советского Союза. Ужасная особенность этой системы была и в том – и это потом уже стало очевидно, – что самой бесправной республикой в Советском Союзе была «метрополия», если пользоваться имперской терминологией. Только 7 % хозяйственных предприятий на нашей территории находились под юрисдикцией республики. В РСФСР не было большинства управленческих органов и функций, которыми располагали другие республики. Нас бесправие Российской Федерации тревожило, мы хотели это исправить.

Идеи Ельцина органично сочетались с этой базовой ценностью СССР, директивно заданной высшим властным институтом советской империи. Получается, что демократы не просто рвали в клочья родную страну, невзирая на все обстоятельства прошлого и настоящего, а заинтересованно участвовали в осмыслении фундаментальных вопросов: например, какой суверенитет для Российской Федерации будет уместным?

Борьба за пост главы государства на Съезде народных депутатов РСФСР шла в три тура. В первые два тура Полозков

и Ельцин не собрали кворум, затем партийное руководство страны решило заменить Полозкова Власовым – прагматиком, управленцем, технократом, избегающим одиозных позиций. Подчеркиваю: во всех дебатах этих трех туров каждый из кандидатов, особенно Власов и Ельцин, разъяснял депутатам свое понимание суверенитета. В конечном счете 29 мая 1990 года, набрав на четыре голоса больше необходимого кворума, Ельцин был избран сообществом депутатов, представляющих огромную Россию.

– Идея декларации о государственном суверенитете возникла сразу?

– Она была главным вопросом в повестке Съезда на следующий день после избрания Ельцина. Создали специальный рабочий орган – комиссия работала круглосуточно. 12 июня, через две недели, Съезд народных депутатов РСФСР принял Декларацию о государственном суверенитете России. Люди, которые несколько дней назад боролись друг с другом не на жизнь, а на смерть, практически единогласно проголосовали за документ, который по своему предназначению, по своему содержанию оказался объединительным. Это были и реформаторы-демократы, и депутаты национальных республик, и корпус «красных директоров», и коммунисты разных мастей (функционеры, рядовые члены партии, молодежная фракция). В общем, вся республика в едином порыве определила свое будущее.

Текст декларации был очень лаконичным и обозначал все

основные цели. В нем говорилось, что документ станет основой для разработки новой конституции России и что с этого момента законы Российской Федерации на территории России исполняются приоритетно. После того как декларацию приняли, буквально на второй день сформировалась конституционная комиссия Съезда. Разработка нового основного закона была принципиально важна и с точки зрения динамики изменений, и с точки зрения нашей платформы, которую мы считали абсолютно органичной интересам большинства населения России. Это был единодушный порыв к свободе от тоталитарной партийной диктатуры, порыв, уводящий от невнятных полномочий Российской Федерации как в сфере экономики, так и в социальной жизни.

И еще 12 июня 1990-го мы понимали, что никакого суверенитета России не будет, если мы в качестве правовой цели не обозначим утверждение президентства в России.

Когда Горбачев придумал так называемый референдум о сохранении Советского Союза, который назначили на 17 марта 1991 года, мы, понимая, что референдум по большому счету и внеправовой, и пустой по следствиям, на Съезде приняли решение включить в него на территории РСФСР вопрос о введении президентства в России. Получив поддержку народа, мы назначили выборы на 12 июня 1991 года. Это символическая дата: после принятия Декларации о суверенитете прошел год, и вот мы объявили выборы первого в тысячелетней истории России президента. Понятное дело, из-

брание Бориса Николаевича с огромным преимуществом на фоне других конкурентов укрепляло идею суверенитета.

– Вы обратили внимание на одно важное обстоятельство, на котором концентрируются те, кто иногда обвиняет демократов в расшатывании Союза. Я имею в виду лидеров национальных республик и национальных фронтов, которые утверждают, что первый шаг к суверенизации сделали российские демократы во главе с Ельциным. Но вы им, наверное, можете ответить, что Ельцин, как и вы, не думал, что суверенизация России может быть вне рамок СССР. Как вы это сейчас понимаете?

– Во-первых, это даже исторически неверно. Россия не была первой в этом движении.

– Ну, я не говорю про Балтию.

– Да, Балтия. Во-вторых, наша позиция была четко определена нашим участием в новоогаревском процессе. Борис Николаевич был очень заинтересован в новом Союзном договоре между республиками. Пришлось пройти через многие трудности, через невыносимые дискуссии с многословным Михаилом Горбачевым, для которого главными были вопросы: «А где тут я? А где Кремль? Где президент Советского Союза?» Так появилась формула «9+1». Но проект договора все же был составлен, и 20 августа мы должны были его подписать. Это была позиция Ельцина, это была позиция России, это была наша общая позиция. Мы исходили в том

числе из Декларации о государственном суверенитете, которая ставила задачи подготовки новой Конституции Российской Федерации.

По большому счету именно Россия была последним оплотом обновления Советского Союза. Не распада, а обновления – мне очень важно, чтобы вы обратили на это внимание. Ельцин не разрушал Советский Союз. Конкурентная борьба персонально с Горбачевым не была его сверхзадачей. В этом отношении у нас была абсолютно добросовестная позиция. Да, суверенитет России, да, в обновленном Союзе, в котором все республики на равных определяют между собой взаимоотношения и в рамках ограниченных совместных полномочий участвуют в мировом сообществе.

Мы рассчитывали на эволюционную трансформацию Советского Союза. Да, нам бы предстояли сложные согласования, переговоры, решение насущных вопросов жизнеобеспечения. Но нас лишили этой уникальной исторической возможности, поскольку она была совершенно неприемлема для некоторых руководителей Советского Союза. За день до подписания нового Союзного договора, как известно, члены ГКЧП устроили путч. И опять же неверно считать, что их акция была спонтанной. В течение практически всего 1991 года, особенно весной, они требовали введения чрезвычайных мер, а в июне премьер-министр Павлов даже выступал со специальным докладом по этому поводу на заседании Верховного совета.

– Экономических мер?

– Прежде всего да. У него в содокладчиках были Крючков, Пуго, Язов, которые доказывали, что существует угроза неуправляемой преступности и влияния западной идеологии. У них был согласованный план – не допустить демократизации даже тогда, когда она предполагала достаточно последовательную правовую, согласованную на двух съездах позицию. И гибель Советского Союза была заложена именно тогда.

Я не постесняюсь сегодня указать – особенно в преддверии столетия большевистского переворота 1917 года, – что СССР был зачат во время пятилетнего кровавого референдума в форме гражданской войны, с жестоким презрением к прошлому и с насильственным провозглашением этого самого социалистически-большевистского будущего. В декабре 1922 года Беларусь, Украина, Россия и республики Закавказья зачали неизлечимую историческую, правовую, государственную травму. И мы в условиях этих интересных, но в конечном счете трагических нескольких лет – от перестройки до ГКЧП в августе 1991 года – оказались заложниками и жертвами этой травмы.

– Новый Союзный договор, подводящий черту под новоогаревским процессом, был готов в конце июля 1991 года. Почему Горбачев уехал в Форос, почему он тянул с подписанием до 20 августа, почему нельзя было сделать это до консолидации гэкачепистской

фронды? Понимаю, что этот вопрос прежде задавали и Горбачеву, но он от него всегда уходил.

– Я думаю, все те месяцы, когда готовился договор, он испытывал каждодневное давление со стороны своих соратников по партии и правительству, поэтому до конца не мог определиться. Согласно тексту нового Союзного договора структура конфедеративного государства была очень зыбкой. Документ содержал в себе нормы, не всегда согласующиеся с точки зрения логики управления. Это касалось полномочий разных уровней власти и тем более разных республик. Ситуация осложнялась глубочайшим экономическим кризисом.

Империя разрушала сама себя, пораженная метастазами недееспособности, и никто лучше Горбачева не понимал масштаб наследства, которое он взялся преобразовывать. Какими бы демонстративными и настойчивым ни были премьер-министр СССР Павлов и его соратники, они не выдумывали опасность развала Союза – она на самом деле существовала. У них просто было свое понимание лечения: репрессии, ограничения, все задавить и поставить на место. События января 1991-го в Прибалтике их ничему не научили, а Горбачев умудрился сделать вид, что ничего этого не знал и не понимал. Горбачев – и это подтверждают многие – четвертого августа того года во Внуково-3, прощаясь перед отлетом в Форос со своими соратниками, которые снова и снова убеждали его, что невозможно это терпеть, что надо

что-то предпринимать, что страна в опасности, реально произнес фразу: «Ну попробуйте, попробуйте». Это подтверждает Лукьянов (председатель Верховного совета СССР в марте 1990 – сентябре 1991 года. – *Прим. ред.*), которому трудно во всем верить, но тем не менее... Это подтверждает и логика поведения Горбачева, которую мы замечали во время новоогаревского процесса, – у него не было желания глубоко вдумываться в ту историческую задачу, которую мы решали новым договором. Горбачев бесконечно много говорил. Оставалось впечатление, что он заговаривал сам себя. Несмотря на хорошее образование, он совершенно не понимал всю губительность такого социализма, историческую ограниченность каких-либо усилий по трансформации системы в новое качество, когда находишься на пепелище, когда нарушены все кровеносные сосуды жизнедеятельности общества, государства.

Мы – сторонники Ельцина – действительно были заинтересованы в том, чтобы новоогаревский процесс закончился результативно. С сотнями десятков нюансов и компромиссов был отработан и ратифицирован текст договора о Союзе суверенных государств (ССГ). Для нас было принципиально важно пойти с нашей декларацией (о суверенитете. – *Прим. ред.*) в обновленный Союзный договор, как бы неся ответственность за эволюционный распад империи, за эволюционное обновление тоталитарной системы. Предпосылки для этого были. Нужно было только перестать ловчить, хитрить,

маневрировать, рассчитывая на зависимость от центра, который уже мало чем управлял. Вечером 18 августа Ельцин приехал из Казахстана, где были переговоры с Назарбаевым, и составил план на следующий день по всем процедурам, по всем протокольным делам: кого берем с собой в Кремль, какие будут наши публичные действия и так далее. А 19-го страна проснулась под «Лебединое озеро».

Надо иметь в виду, что в этой своей трагической, преступной и наивной попытке сохранить Союз гэкачеписты не были, как многие говорят, отравлены наркотиком власти, не думали лишь о себе. Нет, я считаю, что это были предельно убежденные люди, которые отстаивали символы какой-то своей веры в рамках этой тоталитарной религии, тоталитарной секты. Они в последнюю очередь думали о выживании в каких-то кремлевских покоях, на правительственных дачах. Они бились за свои ценности, идеи, идеалы, бились неукложе, преступно, но рассчитывали на успех. Впрочем, исторический итог этого преступления был печальным, трагическим. 19-го числа ГКЧП выступили, а 22-го числа Советский Союз перестал существовать де-факто. И, безусловно, с 22-го числа началась качественно новая история Декларации о суверенитете, самого утверждения, укрепления суверенитета.

– Представляете, если бы не было путча, а Украина подписала договор 20 августа... Кто знает, как сложилась бы ситуация в конце 1991 года. С другой стороны,

может быть, путч был, что называется, послан богом. Путч опрокинул парадигму – и случилось то, что случилось. У вас нет ощущения, что он, пусть это и звучит цинично, на самом деле случился во благо?

– Очень наивно рассуждать о том, что происходило с советской империей в 1991 году, в сослагательном наклонении. Это был глубочайший системный исторический кризис. Катастрофа была продиктована псевдорелигией ядерной державы, десятилетиями опустошавшей себя непримиримой борьбой за мировое господство, постоянными репрессиями в отношении лучших представителей нашей нации, гонкой вооружений и тотальной милитаризацией страны. Были ли при этом достижения: великая советская культура, космонавтика, Гагарин? Конечно, были. Отменяют ли они суть строя, в котором мы выросли и мечтали стать нормальными людьми? Нет, не отменяют. Еще раз повторю: утрата родины для каждого нормального человека, а для меня в первую очередь, поскольку я был убежденным патриотом Советского Союза и ленинских социалистических заветов, – это личная трагедия.

Но, участвуя в разработке решений, исторически предопределивших выбор, который мы не могли не сделать в декабре 1991 года, я считаю, что это оптимистическая трагедия. Мы в самых сложных условиях заложили корневую систему новой России. России конституционной, России, базирующейся на человеке как высшей ценности, России, уже

почувствовавшей вкус рыночной экономики, ну и, наконец, России, которая достойна быть страной, уважаемой во всем мире и любимой своим народом.

– Еще в сентябре-октябре 1991 года Ельцин и его соратники демонстрировали готовность сохранить конструкцию Союза. И вот вы приезжаете в Беловежье. Судя по воспоминаниям, только восьмого декабря Борис Николаевич окончательно понял, что нет другого выхода, кроме как подписывать соглашение о прекращении действия договора 1922 года об учреждении Советского Союза. В истории остается ваша формулировка, что геополитическое образование под названием Советский Союз как субъект международного права прекращает свое действие, на что Станислав Шушкевич тут же сказал: «Да!» Как родилась эта формулировка и когда она была представлена на обсуждение с Борисом Николаевичем?

– Начиная с января 1991 года Борис Николаевич и руководство России испытывали колоссальное напряжение в этой тяжелейшей трагедии Советского Союза как системы, терявшей способность адекватно понимать происходящие процессы, своевременно и эффективно реагировать на них и тем самым обеспечивать предотвращение все новых и новых угроз. Когда в Таллине 13 января 1991 года Борис Николаевич подписал обращение четырех республик – трех балтийских и России – к ООН с требованием немедленной меж-

дународной реакции на недопустимость применения вооруженных сил на территории Литвы, Латвии и Эстонии и восстановления здесь норм цивилизованного и правового отношения к событиям, – это уже был достаточно предельный выбор. Когда Борис Ельцин обратился к военнослужащим на территории прибалтийских республик, уже гражданам Российской Федерации, с просьбой воздержаться от участия в действиях, угрожающих жизни местного населения, – это тоже уже был предельный выбор. И мы понимали, что наши противоречия с союзным руководством в подходах к происходящему в стране углубляются все больше. Тем не менее мы искали варианты и экономического сотрудничества – это программа «500 дней», создание экономического комитета. Мы активно участвовали, делегировали туда Явлинского, Лужкова, Силаева, продолжали реализовывать важную для нас установку: Россия – крупнейшая республика Советского Союза, и от того, какие она будет принимать решения и как их реализовывать, зависит судьба остальных республик. Нам не удалось отстоять эту логику, мы оказались перед лицом агрессивного, репрессивного и во многих отношениях неадекватного понимания ситуации. Вместе с тем ведь речь шла не только о том, что члены ГКЧП и косвенно Горбачев нарушили Конституцию и все законы того времени. Они отстаивали свои убеждения, они отстаивали свою веру. Это может более точно квалифицироваться как война религиозная – война квазирелигии против убеждений цивилизован-

ного современного мира. Это была схватка живого с мертвым, и она закончилась такой трагедией.

– И все-таки откуда взялась эта формулировка про прекращение действия СССР как субъекта международного права?

– Нельзя сказать, что мы не думали о том, как могут развернуться события и когда нужно будет принимать решения, по существу уже ни на что не надеясь, ни на что не оглядываясь. Конечно, мы думали. Я выступал в октябре на традиционной встрече с депутатами Верховного совета в Белом доме и говорил там, что не исключено, что Россия может и должна стать правопреемником Советского Союза. Мы не могли об этом не думать, мы не могли не разделять ответственность за происходящее, в том числе и с Михаилом Горбачевым, и с советским руководством.

Но восьмого декабря ситуация достигла предела. Это тот тип жизненных, политических, исторических и даже нравственно-духовных ситуаций, когда для человека принципиально меняются все предыдущие представления о добре и зле, о порядочности и подлости, о трусости и мужестве, об ответственности и безответственности. Этот момент знаком каждому человеку. С нами случилось именно это. Вопрос о пресловутой власти был десятым, на первый план вышел вопрос ответственности за то, в каких условиях завтра Россия, Украина и Белоруссия станут решать свои насущные проблемы, которые никто, кроме нас, на территории наших респуб-

лик в эти дни уже решить не мог. Это решение было формой такого исторического, нравственно-духовного творчества.

1 декабря 1991 года в Украине прошел референдум о независимости, Леонида Кравчука избрали первым президентом. В это же время избрался Назарбаев, но он находился далеко и еще озирался по сторонам, хитрил и не понимал, чья возьмет. И вот на очередной новоогаревской посадке, на которую все главы терпеливо съезжались, самостоятельно создавая каждый в своей республике какой-то плацдарм, не доверяя Михаилу Сергеевичу, Станислав Шушкевич (председатель Верховного совета Белоруссии) обращается к Ельцину: «Борис Николаевич, вы бы приехали к нам, в парламенте бы выступили. Но самое главное – мне нужна помощь по нефтересурсам, по энергоресурсам. У нас большая беда». А у нас к этому моменту уже были двусторонние договоры Украина – Россия, Белоруссия – Россия, Казахстан – Россия. И вообще мы Горбачеву предлагали создавать союз на базе наших двусторонних наработок. Но в какой форме – это был сложный вопрос, причем не только юридически, но и мировоззренчески.

В общем, мы тогда перезванивались с Кравчуком. «Леонид Макарович, нас приглашает Шушкевич, может, тоже подъедете? Новая история началась, вы президент, у вас республика, 40 миллионов референдумом приняли независимость Украины. Может, что-то обсудим, поговорим?» – «А почему нет? Мне тоже это важно, интересно». Перед этой

поездкой Ельцин встретился с Горбачевым и заверил Михаила Сергеевича, что он постарается убедить Кравчука сохранить наше сотрудничество в новых правовых условиях. И вот мы встретились с Кравчуком, начали разговаривать и убедились, что он даже слышать не желает о каких-то новых договорах. Борис Николаевич его убеждал: «Ну как же так, ну, может, попробуем, мы же славянские народы. У нас столько взаимосвязей – и хозяйственных, и народных, и этнических, и культурных». – «Нет! Нет! Нет! У меня есть мандат народа, у нас уже есть своя позиция. Я вообще не знаю, кто такой Горбачев и где находится Кремль. Вот с 1 декабря я этого не знаю». Было жестко, но убедительно.

Мы разошлись и поняли, что Советского Союза нет. Независимость вроде обретена, но что с ней делать? У нас уже была платформа, мы уже понимали свои риски и свою динамику. Когда мы собрались в очередной раз, пришла историческая параллель с Британским Содружеством наций (империя после Второй мировой распалась, но хотела сохранить свои культурные, исторические ресурсы в новом жизненном пространстве). Еще одна важная деталь: в Беловежье обещал приехать Назарбаев, но не доехал, потому что застрял в Москве у Михаила Сергеевича, в Кремле. И мы ему были очень признательны впоследствии, потому что он открыл нам безупречную легитимность – правовую и конституционную. Три республики, создавшие Советский Союз в декабре 1922 года (Закавказская давно перестала существовать кон-

ституционно и в рамках международного права), имели полное право принимать подобные решения.

Кравчук говорил: «Меня все поймут, я ничего не уступил, а дружить – это вполне в интересах и каждого украинца, и всех нас». А потом родилась такая преамбула. Беларусь, Украина и РСФСР, образовавшие в 1922 году СССР, констатируют, что Союз ССР как субъект международного права и геополитической реальности прекращает свое существование.

Это обеспечило мировому сообществу потрясающую перспективу новой картины мира, новой системы ценностей. Мир в это мгновение изменился до неузнаваемости. Можно даже сказать, что в декабре 1991-го в результате беловежского консенсуса закончилась история XX века. Но, к моему огромному сожалению, большинство восприняло это событие наивно и примитивно.

– Знали ли вы, что еще в феврале 1991 года в резиденции американского посла, в Спасо-Хаусе, госсекретарь США Бейкер принимал премьер-министров Грузии и Армении? Американцы настойчиво двигали их к скорейшему проведению экономических реформ, а взамен обещали серьезную финансовую поддержку.

– Нет, там была другая стратегия. Я в этом абсолютно уверен. 12 декабря 1991 года я был в Париже, где встречался с президентом Франсуа Миттераном и вручил ему меморандум президента Ельцина по итогам беловежского консен-

суса. В этом документе разъяснялась концепция достигнутых соглашений и в общих чертах была указана наша стратегия на ближайшие месяцы и годы. Франсуа Миттеран, будучи в 1991 году одним из опытнейших политиков не только Европы, но и всего мира, глядя мне в глаза, сказал: «Мы представить себе не могли, что в этой ситуации возможно такое решение». Они до последнего поддерживали Михаила Горбачева, но в какой-то момент поняли, что Горбачев решает задачи экономических преобразований не с теми людьми. Американцы очень боялись сепаратного разделения Советского Союза, они в высшей степени этого не хотели. В первую очередь, конечно, из-за ядерных арсеналов. Они недооценили наше декабрьское решение о добровольной передаче Украиной, Белоруссией и Казахстаном ядерного оружия России. Если представить на минуту, что мы бы этого не обеспечили, где и как бы мы сейчас с вами разговаривали?

– Кстати, Гайдар говорил, что восьмого декабря в поведении и реакциях Ельцина чувствовалось давление этой чудовищной ответственности, про которую вы говорите. Она не имела никакого отношения к рассуждениям о борьбе за власть и соседствовала с опасением, что действительно возможна такая драматическая реакция и вас всех могут, грубо говоря, заметить. Ведь ходили об этом слухи.

– Возможно, у помощников Бориса Николаевича, отвечавших за безопасность президента и нашей делегации, бы-

ли какие-то свои размышления и опасения на этот счет. Но я напомним: когда решение было принято и документ был подготовлен, состоялось три телефонных разговора: Ельцина с Шапошниковым, Ельцина с Джорджем Бушем и Шушкевича с Горбачевым. Эти звонки были нужны не только для дипломатической корректности, но и для того, чтобы убедиться в правильности наших действий.

– Людей, которые четверть века назад творили историю России, осталось не так уж много. Нет Ельцина, нет Гайдара, зато есть Горбачев. Очевидно, что вы все это время встречались нечасто. Может быть, пришло время? Хотя это, конечно, очень личный вопрос.

– На самом деле я был бы очень рад такой возможности, но со своей стороны я никаких специальных усилий для этого не предпринимал до сих пор. У Михаила Сергеевича было много потрясений, испытаний, он болел. Его нужно беречь, и любое дополнительное раздражение, которое я бы мог своей инициативой спровоцировать, для меня недопустимо. Но поговорить о тех тяжелейших испытаниях, которые выпали на долю России, о нашей уже совместной ответственности за то, что было, о том, как эти 25 лет мы жили и живем и что у нас впереди, какие трудности и какие тревоги... Конечно, такая встреча была бы по-человечески очень интересна. Но здесь надо разделять лирический интерес и мировоззренческий. Я бы опасался, как бы не нанести Михаилу Сергеевичу этой гипотетической встречей какую-то новую травму.

Станислав Шушкевич, экс- председатель верховного совета Республики Беларусь

«Все беспокоились из- за ядерной кнопки»

Станислав Станиславович Шушкевич

Родился в 1934 году в Минске

С 1986 по 1990 год – проректор Белорусского государственного университета по научной работе

До 1991 года – член КПСС; народный депутат СССР, член Межрегиональной депутатской группы (1989–1991)

В декабре 1991 года вместе с президентами России Борисом Ельциным и Украины Леонидом Кравчуком подписал Беловежское соглашение – о роспуске СССР и создании СНГ

С 1991 по 1994 год – председатель Верховного совета Республики Беларусь

Интервью состоялось в июне 2016 года

Дом, в котором живет экс-председатель Верховного совета Беларуси, находится в одном из спальных районов Минска и если и выделяется чем-то среди соседних, то разве что неработающим лифтом (при этом живет Шушкевич на четвертом этаже). У него очень тесная – хотя комнат в ней три или четыре – старая профессорская квартира; в самой большой комнате – кабинет хозяина. Все стены – в книжных полках и фотографиях: Шушкевич с американскими президентами, канцлером Германии, Папой Римским... Есть здесь и снимки со знаменитой встречи в Беловежской Пуще, где белорусский лидер в декабре 1991 года принимал гостей: Бориса Ельцина и Леонида Кравчука. Из воспоминаний профессора Шушкевича очевидно, что он считает ту встречу звездным часом своей не слишком долгой политической карьеры.

Разумеется, о Беловежье мы говорили больше всего. Станислав Станиславович убеждал меня, что эта встреча в значительной степени была вызвана срочной необходимостью решить вопрос поставок в Белоруссию российских нефти и газа (приближался зимний сезон). Впрочем, эту версию страстно опровергал во время нашего разговора в Киеве первый президент Украины Леонид Кравчук. Для него она звучала обидно, он считал такой взгляд унижающим всемирно-историческое значение Беловежских соглашений.

Если не знать политический бэкграунд Шушкевича, обнаружить в нем во время общения бывшего главу государства, да еще причастного к историческим событиям, изменившим карту мира в конце XX века, трудно. Станислав Станиславович не натягивает на себя тогу выдающегося политического деятеля: он прежде всего человек науки, физик, занимавшийся реальным делом (и интересно про это рассказывающий). Бывший лидер Белоруссии склонен к рефлексии и легко может признаться, что ему стыдно за какие-то факты своей политической биографии. А еще он не боится быть неполиткорректным и порой дает невероятно хлесткие характеристики деятелям, с которыми ему приходилось встречаться в те годы. Станислав Шушкевич не соответствует привычному образу партийно-хозяйственного функционера, волею судеб оказавшегося на вершине власти и вцепившегося зубами в свое кресло. Вероятно, потому он и потерял его так быстро.

* * *

– Когда вы впервые задумались о том, что Советский Союз может перестать существовать?

– Я об этом не думал. И когда ехал в Беловежскую Пущу, не думал, и за два часа до того, как мы согласились с предложенной Геннадием Бурбулисом формулировкой, что «СССР как геополитическая реальность и субъект международного

права прекращает свое существование», я все еще боялся об этом подумать. Но я хорошо помнил советскую мифологию: якобы Ленин на вопрос жандарма «Что вы бунтуете, молодой человек, ведь перед вами стена?» ответил: «Стена, да гнилая, ткни – и развалится». При этом я понимал, что такое ядерный монстр, ядерная держава, и даже допустить мысль о ее распаде не мог. Мы, физики, конечно, шутили иногда: мол, получен циклотронный изотоп «эсэсэсэрий» с периодом полураспада 50 лет. Но это был максимум, который мы могли себе позволить. И вдруг я и другие лидеры пришли к выводу, что можем поддержать предложение Бурбулиса. Для меня он – человек, нашедший очень точную формулировку. Не знаю, хватило бы мне ума это сформулировать так же. Тогда мне она чертовски понравилась – я не сдержался и первым заорал, что все подпишу.

– Можно сказать, что вы нажали на спусковую кнопку? Ведь Ельцин выступил уже после вас?

– Я думаю, Ельцину эта спусковая кнопка не была нужна. Какую бы грязь ни лили на Бориса Николаевича и что бы там ни говорил новый российский президент о «трагедии советского народа» (речь о распаде СССР. – *Аркадий Дубнов*), Ельцин для меня остается настоящим русским. Может, у него и были слабости, которые не украшают великого человека, но он был по природе целостен и не менял своих убеждений в угоду кому-то.

Хочу пояснить свой энтузиазм в Беловежье: ведь это я

пригласил туда Ельцина – за полтора месяца до тех событий, 20 октября 1991 года, находясь в Ново-Огареве. Я давно хотел позвать его, но никак не получалось остаться с ним один на один. В Ново-Огареве была золотая осень, и мы с Борисом Николаевичем пошли искать Горбачева по красивейшим местам. Я сказал: «У вас здесь великолепно, но у нас другая красота, более суровая. Вы ведь охотник – приезжайте к нам!» Он ответил: «Знаешь, с большим удовольствием».

«Знаешь» – это я неправильно сказал. «Знаете». Ельцин никогда ни к кому при мне не обращался на «ты». И никогда не ругался. И вот он говорит: «Я с удовольствием приеду. Пусть наши службы согласуют даты». Я его звал, чтобы выпросить нефть и газ. Я хотел сказать Гайдару: «Я ваш горячий сторонник и всецело за рынок, но потерпите чуть-чуть с рыночностью, потому что у нас нет ни денег, ни кредитов, ни доверия со стороны кредиторов. Дайте нам немного нефти и газа, чтобы мы не заморозили своих людей».

– Создается ощущение, что к Беловежским соглашениям привело невероятное совпадение случайных фактов.

– Знаете, мне кажется, что тогда сама обстановка готовила к этому. Я тогда прочитал несколько книг о том, что такое СССР (Амальрика, Солженицына), узнал много непубликовавшегося о депортации крымских татар, чеченцев. Все это требовало радикального решения, а не разговоров в духе «сгладим недостатки». Кстати, процесс осмысления, чем

же являлся СССР, продолжается по сей день. Я думаю, что те политики, которые заявляют, что творчески подошли к процессу, в большинстве случаев ошибаются. Надо очень хорошо освоить политическое ремесло. А вот гениальные политики – например, Бисмарк или Черчилль – действительно были творцами и находили верные решения, естественно, в интересах своих стран.

Учаснікі мітынгу протыв ГКЧП в Мінске на плошчадзі Леніна (сейчас – плошчадзь Незавісímасці), август 1991 года

– В октябры 1991 года в Ново-Огареве вы выступили протыв проэкта Сюзнога дагавора, паськольку со-

чили его внутренне противоречивым. Вы это сказали Горбачеву?

– Нет. Я понимал, что по сравнению с ним я сопля, простите за такое выражение. Он великий, опытный, он Европу объединил! Что я могу ему сказать? Меня в тот момент подбадривало величие Баха, который говорил, что не занимается творчеством, а переписывает и аранжирует Вивальди для церкви, где играет. Я говорю: «Михаил Сергеевич, у нас сейчас в Беларуси очень грамотный Верховный совет (это была правда). Они очень подкованы политически и сразу же заметят, что вы не соблюдаете словарных дефиниций и называете конфедерацией унитарное по сути своей государство». Я к Горбачеву относился с большой долей недоверия, потому что он очень плохо выступал в 1986 году по поводу Чернобыля. Он врал. Глава государства должен был сказать: «Люди, надо делать то, то и то, чтобы у нас было меньше потерь, чтобы снизилась коллективная доза [радиации]». Я это знал как профессионал, как заведующий кафедрой ядерной физики. Но он этого не сделал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.